

- ²⁰ См. подробнее: *Лиров М.* Из литературных итогов // Печать и революция. 1924. № 2. С. 118.
- ²¹ *Полонский В.* Очередная задача государственного издательства // Печать и революция. 1921. № 1. С. 15.
- ²² *Смирнов-Кутачевский А.* Язык и стиль современной газеты // Печать и революция. 1927. № 2. С. 22.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 10.
- ²⁴ *Полонский В.* На литературные темы. М., 1968. С. 375.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 10.
- ²⁶ *Елина Е.* Художественная и газетно-журнальная словесность в творческой концепции Вяч. Полонского и общественно-литературной ситуации эпохи НЭПа. С. 32.
- ²⁷ *Полонский В.* Критические заметки по поводу книги Г. Лелевича «На литературном посту» // Печать и революция. 1925. № 4. С. 56.
- ²⁸ Там же. С. 54.
- ²⁹ *Полонский В.* На литературные темы. С. 419–420.
- ³⁰ *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 3. С. 149–150.
- ³¹ *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 4. С. 130.
- ³² *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 3. С. 140.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Полонский В.* О романе А. Н. Толстого «Хождение по мукам» // Печать и революция. 1923. № 1. С. 62.
- ³⁵ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 6.
- ³⁶ *Полонский В.* Художественное творчество и общественные классы // Печать и революция. 1929. № 2–3. С. 6.
- ³⁷ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе» // Печать и революция. 1929. № 1. С. 24.
- ³⁸ *Эйдинова В.* Стиль художника : Концепции стиля в литературной критике 1920-х гг. М., 1991. С. 252.
- ³⁹ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе». С. 24.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 9.
- ⁴¹ *Полонский В.* Заметки журналиста. На пути к единому литературному фронту // Печать и революция. 1927. № 1. С. 75.
- ⁴² *Полонский В.* Литературное движение революционной эпохи. С. 15.
- ⁴³ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 8.
- ⁴⁴ *Полонский В.* Заметки о журналах // Печать и революция. 1923. № 4. С. 292.
- ⁴⁵ *Полонский В.* Литературное движение революционной эпохи. С. 29.
- ⁴⁶ *Полонский В.* Художественное творчество и общественные классы. С. 6.
- ⁴⁷ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе». С. 22–23.
- ⁴⁸ *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 3. С. 146.
- ⁴⁹ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе». С. 22.
- ⁵⁰ Там же. С. 22–23.
- ⁵¹ *Вяч. П.* Заметки о журналах // Печать и революция. 1921. № 2. С. 230.
- ⁵² *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 2. С. 146.
- ⁵³ *Полонский В.* Заметки журналиста // Печать и революция. 1926. № 7. С. 88.
- ⁵⁴ *Полонский В.* Листки из блокнота. С. 234.
- ⁵⁵ Там же. С. 234.
- ⁵⁶ *Полонский В.* Заметки журналиста. С. 89.
- ⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 139. Л. 4.
- ⁵⁸ Там же. Л. 4.
- ⁵⁹ *Журналист.* 1929. № 4. С. 101.
- ⁶⁰ Там же. С. 103.

УДК [070(47+57):821.161.1.09]1934|

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ОТКЛИКАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

М. М. Соловьёва

Саратовский государственный университет
E-mail: markuz89@yandex.ru

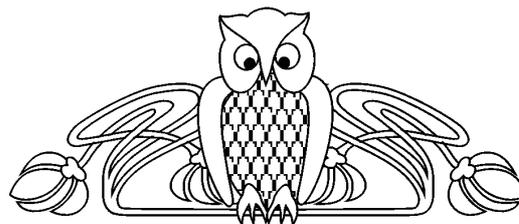
В статье исследуется роль «Литературной газеты» в организации Первого съезда советских писателей в 1934 г. и участие газеты в формировании мифа о всеобщем внимании советских граждан к литературной жизни страны.

Ключевые слова: «Литературная газета», 1930-е гг., Первый съезд советских писателей, социалистический реализм.

**The First Congress of Soviet Writers as Covered
in *Literaturnaya Gazeta* (Literary Newspaper)**

М. М. Solovyeva

The article analyzes the role of *Literaturnaya Gazeta* (Literary Newspaper) in the organization of the First Congress of soviet writers

in 1934 and the newspaper's participation in the formation of the myth of the universal attention of Soviet citizens to the literary life of the country.

Key words: *Literaturnaya Gazeta*, 1930s, First Congress of soviet writers, socialist realism.

Ключевым событием литературной жизни 1930-х гг. стал Первый всесоюзный съезд советских писателей, который состоялся в августе 1934 г. Решения об утверждении принципов социалистического реализма, принятые делегатами съезда, стали ключевыми для развития литера-

туры и во многом повлияли на ее бытование в последующие годы.

Профессор М. М. Голубков в своем учебном пособии по истории литературы указывает, что в начале 1930-х гг. «выстраивалась продуманная политическая линия, направленная на медленное и планомерное огосударствление литературы»¹. С ним соглашается профессор Е. Г. Елина, которая в учебнике по истории литературной критики пишет: «Начиная с 1929 года, литературная жизнь, как и жизнь в стране в целом, протекала в жестких тисках сталинской идеологии»².

Для историков литературы, в чью сферу научных интересов входит исследование 1930-х гг., главным источником для изучения Первого съезда советских писателей, безусловно, является стенографический отчет заседаний, выпущенный отдельной книгой в издательстве «Художественная литература» в 1934 г. Однако в центре нашего внимания – отражение Первого съезда советских писателей в «Литературной газете».

В 1934 г. «Литературная газета» – главный печатный орган Союза писателей – уже успела зарекомендовать себя как яркое, дискуссионное издание, публикующее большое количество спорных, противоречащих друг другу материалов и предпочитавшее диалектике полемики и свободное выражение разных точек зрения.

«Литературная газета» была основана в 1929 г. и до 1932 г. выходила при Федерации объединений советских писателей. С самого первого дня своего существования издание охватывало широкий диапазон тем, касающихся литературной жизни, – от бытовых (юридические консультации, отчеты со встреч, денежные сборы) до узкоспециальных (обсуждение направлений литературной критики, выборы пути развития литературы).

На страницах «Литературной газеты» часто публикуются сторонники соцреализма – Ефим Зозуля («Поэма о наемном палаче»), Александр Безыменский (стихи), Александр Дорогойченко (очерки, отрывки из романа «Молодежь»). Наравне с «правильной» пролетарской литературой в газете можно встретить откровенные и в некотором роде оппозиционные очерки о бедах коллективизации Сергея Третьякова («Деревенский город»), провокационную драму Юрия Олеши («Смерть Занда»), отрывки из «Улисса» Джеймса Джойса и некоторые другие произведения, вряд ли соотносящиеся с официальным курсом советской литературы.

Материал «Литературной газеты» за 1929–1934 гг. дает возможность проследить процесс формирования советской литературной критики. «ЛГ» в этот период является основной площадкой для обсуждений, прений, осуждений: по сути, изучая газету, мы оказываемся в центре процесса формирования новой художественной эстетики. Именно здесь нагляднее всего показана история создания соцреализма со всей свойственной ему монополией.

В 1934 г. «Литературная газета» – яркое, самостоятельное, успешное издание. В этом году у нее появляется своя передача на радио («радиополоса»), с того же года тяжелую, скучную колонку заменяет более живой и свободный по манере изложения «Дневник “Литературной газеты”», и, таким образом, «ЛГ» становится хроникером литературной жизни страны. Периодичность выхода учащается: от «раз в пять дней» в 1929 г. до «через день» в 1934 г.

В «Литературной газете» получила широкое отражение подготовка к Первому съезду. В рубрике «Накануне съезда» редакция публиковала короткие заметки о подготовке к событию в разных регионах СССР. Совершенно очевидным становится внимание издания к ситуации как в провинции, так и в столице. Рубрика сообщала читателям, что, к примеру, «в Магнитогорске развернулась подготовка к первому всесоюзному съезду писателей. Созданы литературные кружки в цехах и учебных заведениях»³, а в Казани «в связи со съездом советских писателей правительство Татарии постановило объявить всетатарский конкурс на лучшее художественное произведение» (Всетатарский правительственный литературный конкурс. 1934. 3 июля), «Актив комсомола и литкружковцы Москвы готовятся к первому всесоюзному съезду советских писателей. На заводах и предприятиях проводятся собрания и читательские конференции, посвященные съезду» (1934. 2 авг.). Материал рубрики показывает, что подготовка была обширной, к съезду готовились в Грузии (Творческие дискуссии в Грузии. 1934. 2 авг.), Молдавии (Молдавская литература перед съездом. 1934. 2 авг.) и других республиках.

Публиковались не только сухие, официальные материалы о значимости будущего съезда, но и вполне конкретные обвинения в сторону тех, кто должным образом не готовился к нему.

Примером последних может служить обличительная статья «На средней Волге срывают подготовку к съезду» от «специального корреспондента» газеты Вл. Никонова (здесь и далее: На средней Волге срывают подготовку к съезду. 1934. 2 авг.). Статья начинается призывным лозунгом «Оздоровить литдвижение края» и раскрывает целый ряд недостатков литературной жизни Самары. В первую очередь, это связано с низким качеством писательского творчества. Никонов однозначно утверждает: «...для всех печатающихся в крае произведений типична торопливость и неряшливость в обработке, сказывающаяся на яркости изобразительных средств, на композиции и особенно на языке». Автор статьи выделяет еще один крупный недостаток, способный стать опасностью для организации съезда, – низкую писательскую активность. Никонов пишет: «...план издательства по художественной литературе включал 24 названия, вышло – 7», а дальше обвиняет руководство края в халатности: «Такой процент выполнения показывает, во-первых, на-

сколько безответственно составили план <...>, а во-вторых, насколько слаба повседневная кропотливая работа с авторами». Подобные факты позволяют Вл. Никонову сделать вывод: «В Самаре ничего не изменилось». Он с сожалением отмечает, что «близость всесоюзного съезда всюду вызвала подъем и оживление литературной жизни, но не в Самаре». Автор сокрушается из-за отсутствия изменений в литературной жизни Самары, он пишет: «Даже статей А. М. Горького до сих пор не обсуждали. Дискуссия о языке – и та обошла Самару стороной!».

«Литературная газета» публиковала заметки о прибывших для участия в съезде писателях-иностранцах (Иностранные писатели на съезде. 1934. 2 авг.), в которых приветствовала коммунистических авторов Германии, Франции, Италии и других стран. Также в «ЛГ» освещались прошедшие накануне Всесоюзного съезда Ленинградская областная конференция советских писателей (Открытие ленинградской областной конференции советских писателей. 1934. 8 авг.) и Всесоюзное критическое совещание (О типе критики; Задачи критики и теория литературы. 1934. 2 авг.; Задачи всесоюзного критического совещания. 1934. 4 авг.), которое еще до открытия съезда ставило своей главной задачей «раскрыть конкретное содержание метода социалистического реализма, нашедшего свое отражение во всем многообразии советской литературы» (Задачи всесоюзного критического совещания). Это говорит о том, что термин «социалистический реализм» не был впервые озвучен на съезде, а к тому времени уже вошел в обиход писательской общественности.

В газете была организована рубрика «Предсъездовая трибуна», в которой писатели рассуждали о значимости будущего съезда и делились своими представлениями о том, каким он должен быть. В номере от 9 июля свои взгляды на будущий съезд представила писательница Мариэтта Шагинян. Она критиковала компетенцию организаторов съезда: «Недостаточная проанализированность того, как именно готовиться к съезду, каких писателей привлечь к организационной работе, а кому “оставить голос с места” как непосредственному выразителю профессионального опыта, накопленного на своем участке работы, – вот что я считаю главной и основной ошибкой Оргкомитета. Ведь умение расставить людей, правильный учет сил, знание, чем каждый богат и беден, – есть первое, что требуется от руководства» (здесь и далее: Мысли к съезду. 1934. 9 июля). Шагинян предлагает каждому из авторов обратить внимание на свой собственный опыт работы и пишет, что «задача съезда и состоит в том, чтобы мы, писатели, заговорили не потому, что от нас это требуется “повесткой дня”, а чтобы мы, писатели, заговорили о самом нужном и существенном в нашей работе, каждый со своего участка в ней». Ощущение важности предстоящего съезда перекликалось у писа-

тельницы с пониманием уникальной возможности решения насущных проблем всей писательской общественностью. Чувствуется, что Шагинян с большим трепетом относилась к будущему мероприятию и призывала своих коллег не терять времени зря: «Не штампы нужны съезду, даже самые “благородные”. А нужен съезду верный ТОН, тот верный тон, заговорив которым, даже самые заядлые склочники дадут деловое и в то же время лирическое выступление».

Газете важно было подчеркнуть широчайший общественный резонанс съезда. Это делалось с помощью нехитрых приемов: педалировалась идея всеобщего ожидания: «Литературная газета» пестрила статьями об ожиданиях съезда среди рабочих, крестьян, школьников. Все они не только приветствовали съезд писателей, но и сами участвовали в обсуждении проблем литературы и критики. В газете сообщается, что «накануне первого всесоюзного съезда писателей <...> конференции, посвященные вопросам художественной литературы, будут проведены на целом ряде предприятий Горького. 4 августа состоится большая конференция в Сормове, затем на заводе им. Енукидзе. Работники “Красной Этны” обсудят произведения, помещенные в краевом литературно-художественном журнале “Натиск”. Читательские конференции, посвященные съезду писателей, будут проведены также и в ряде колхозов» (Только у нас это возможно. 1934. 2 авг.). Авторами «ЛГ» накалялась сама атмосфера, они активизировали читателя, инициировали чувство сопричастности к литературному процессу. Должно было сложиться устойчивое ощущение, что литература – не только дело писателей, но и каждого советского гражданина, который, независимо от своего рода деятельности, становился полноправным участником споров и дискуссий о литературе. Редакция в «Дневнике “Литературной газеты”» еще до съезда сообщала, что «литература в нашей стране перестает быть делом для “немногих избранных”», подразумевая под этим расширение круга писателей за счет воспитания новых, непрофессиональных кадров: «Все шире становится та среда, из которой выходят профессиональные писатели, все выше уровень этой среды, все меньше осталось возможностей для существования зарытых в землю талантов» (Дневник «Литературной газеты». 1934. 2 авг.).

В связи с этим интересно обратиться к статье А. Каменногогорского «Герои “Разбега” съезду писателей». В ней автор сожалеет о том, что на предстоящем съезде будут все участники литературного процесса («рабочие, колхозники, деятели искусства и представители иных профессий» (здесь и далее: Герои «Разбега» съезду писателей. 1934. 4 авг.), кроме героев, вдохновляющих писателей на работу («вот если б герои книг, взволновавших нас, сошли со страниц, и, предъявив мандаты, вошли в зал съезда»). К радости автора, одна такая героиня будет присутствовать

на съезде – это Софья Иовна Гринчиха, чья биография описывается в книге Владимира Ставского «Разбег». Каменногорский пишет, что Гринчиха не только приедет на съезд, но и привезет писателям «последнюю главу “Разбега”, написанную самими героями», что позволяет редакции еще раз заявить о повышенном внимании масс к литературе и подчеркнуть их желание стать частью литературного процесса. Также герои «Разбега», отправляя Софью Иовну на съезд, в «маленькой приписочке» попросили, чтобы с ней побеседовал сам А. М. Горький. Автор отмечает: «Говорить найдется о чем, указывают колхозники, потому что оба они – лучшие инспектора по качеству: Софья Иовна в поле, Алексей Максимович среди писателей».

Благодаря работе авторов «ЛГ», съезд постепенно в глазах читателей газеты превращался из события сугубо литературной жизни в мероприятие всесоюзного значения, важное для каждого советского гражданина. Для этого использовалась не только сама газета, но и другие СМИ: к примеру, в дни съезда «литературной дирекцией» были организованы выступления у микрофона делегатов и гостей Первого съезда, во время этих выступлений «писатели приветствовали съезд, читали стихи и отрывки из книг» (Радио-съезду. 1934. 6 сент.).

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что несколько месяцев до начала «Литературная газета» жила ощущением предвкушения съезда и активно к нему готовилась. Еще один немаловажный факт: накануне съезда редакция увеличила периодичность издания – «во время всесоюзного съезда, начиная с 17 августа, газета будет выходить ежедневно, за исключением послевыходных дней» (1934. 8 авг.). Данный, на первый взгляд незаметный, факт в комплексе с вышеозвученными говорит об удивительной трудоспособности и высоком уровне энтузиазма редакции.

В дни съезда (с 17 августа по 1 сентября) «Литературная газета» стала его хроникером. В течение двух недель здесь ежедневно публиковались стенограммы наиболее важных и интересных, по мнению редакции, выступлений делегатов. Всего за время съезда здесь были помещены целиком речи большинства выступающих. Среди них: М. Горький, Ю. Шмидт, М. Торошелидзе, М. Климович, Е. Шварц, М. Кольцов, К. Чуковский, Б. Пастернак, Л. Леонов, А. Караваева, В. Инбер, И. Бабель, М. Шагинян, Л. Сейфуллина, Ф. Гладков, И. Эренбург, Н. Бухарин и многие другие.

Отдельные выступления публиковались в пересказе, иные лишь упоминались в ежедневных обзорах «Вчера на съезде» и в «Дневнике съезда». В этих рубриках давалась подробная хронология каждого дня заседания, указывалось, какие доклады были озвучены, кто участвовал в прениях.

Помимо функции своеобразного рупора съезда, газета выполняла еще одну функцию – призывала писателей активно обсуждать темы, затронутые докладчиками, в рубрике «Трибуна съездовой дискуссии». В этой рубрике были опубликованы статьи писателей, не получивших слова на съезде. В ней писателям предлагалось открыто высказывать свою точку зрения по поводу заинтересовавших их докладов или же тем, поднятых во время выступлений с трибун. Большое внимание в этой рубрике уделено статьям, посвященным литературной критике (Почему наступает тишина? 1934. 21 авг.; Литература будущего. 1934. 25 авг.) и детской литературе (Давайте спорить; Об одном очень важном вопросе; Малыши и книги. 1934. 23 авг.).

В материалах, публикуемых непосредственно во время съезда, мы находим подтверждение нашей точки зрения о том, насколько важно было для редакции представить съезд событием всесоюзного масштаба, интересующим и писательское сообщество, и работников смежных сфер, и людей, далеких от искусства. Так, 17 августа в газете публикуется подборка заметок под общим названием «Страна приветствует съезд!». В них представители разных профессий обращались с приветственными словами к делегатам съезда. Среди них: начальник военно-воздушных сил РККА Я. Алкснис (Художники ближе к воздушному флоту), директор МХАТ СССР им. Горького К. Станиславский (МХАТ СССР – мастерам слова), президент Академии наук А. П. Карпинский (Горячо желает успеха), главное управление фотопромышленной СНК СССР (Дело советской литературы). Рядом с поздравлениями было опубликовано письмо от рабочих Балахнинского бумкомбината, которые дают «20 тонн бумаги в подарок съезду», так как им «хочется оказать хотя бы маленькую, но помощь» (20 тонн бумаги в подарок съезду). Еще одно письмо, «по поручению 4 000 колхозников», было напечатано на следующий день после начала съезда и адресовано лично А. М. Горькому. В письме колхозники сообщают любимому писателю о том, что они хотят организовать в своем колхозе литкружок, который мечтают назвать именем «дорогого Алексея Максимовича» Кроме этого, авторы письма дают Горькому наказ: «...передайте там, на съезде, товарищам писателям <...> нашу просьбу – пусть побольше и получше пишут книг о нашей новой, радостной колхозной жизни, о новых людях, пробужденных великой сталинской идеей к новой радостной жизни социалистического труда» (По поручению 4000 колхозников. 1934. 18 авг.).

18 августа, на следующий день после открытия съезда, в «Литературной газете» начали появляться первые репортажные сводки.

В газете мы можем найти подтверждение того факта, что писатели ждали съезда с невероятным энтузиазмом. Мнение современных ученых о том,

что «съезд проходил как большой всесоюзный праздник»⁴, «Литературная газета» подтверждает и передает торжественный, праздничный тон заседаний. Атмосфера торжественности и праздника во многом передается в газете за счет отзывов гостей и участников съезда. В номере от 18 августа мы находим материал под названием «Незабываемые впечатления. Иностранцы писатели об открытии съезда», в котором приводились восхищенные комментарии Клауса Манна, Густава Реглера, Франца Вейскопфа, Жан Ришара Блока и Луи Арагона об открывшемся съезде. В частности, Клаус Манн говорил о повсеместном распространении литературы в СССР, о необычайной читательской активности: «То, что меня больше всего впечатляет – это громадный и жгучий интерес, с которым здесь народ, массы, относятся к литературе. На Западе литература остается одинокой, здесь она в самой сердцевине жизни».

Отдельного внимания заслуживает фигура Горького, который авторами статей «ЛГ» воспринимается как легендарный, единственный и всеми любимый лидер. Следует отметить, что материалы о Горьком практически лишены конъюнктурного компонента и наполнены искренним, неподдельным восхищением. Оно совершенно явно прослеживается в статье «Горький на трибуне»: «Да, ему трудно говорить, у него тихий голос. К тому же пошаливает радио. И огромный зал напряженно, трудно, но бесконечно внимательно ловит каждое слово». Далее Горький наделяется чуть ли не мифическими характеристиками – он сравнивается с «вождем армии художников слова», а его доклад – «высшая математика культуры» (Горький на трибуне. 1934. 18 авг.).

Имя Горького, «близкое сердцу каждого писателя, каждого строителя нового, социалистического общества» (здесь и далее: Вчера на съезде. 1934. 23 авг.), красной нитью проходило через большинство статей о съезде. «Литературная газета» с упорным постоянством подчеркивала значимость Горького не только для писательской общественности, но и для всей страны. В рубрике «Вчера на съезде» часто появлялись подобные сообщения: «Величие горьковской мысли сквозило в словах В. Соболева и Анны Караваевой», а «изумительный старик ашуг Сулейман Стальский» даже написал Горькому песню: «Живи наш Горький, вестник бурь, / Мы навещать тебя пришли».

Еще большим примером искреннего и, возможно, подсознательного преклонения перед авторитетом А. М. Горького явилась статья «Открытие съезда», в которой рассказывалось о первом заседании. Главным героем этого репортажа стал Горький. Его имя в статье появлялось неоднократно, создается впечатление, что от внимания автора не ускользнуло ни одно движение, сделанное им. Приведем несколько коротких примеров: «Вдруг из конца в конец тишина разрывается раскатами приветственных аплодисментов: вслед за А. М. Горьким члены президиума всесоюзного

оргкомитета выходят на трибуну» (здесь и далее: Открытие съезда. 1934. 18 авг.); «Алексей Максимович занимает председательское место. Когда стихают аплодисменты, А. М. Горький говорит», «Алексей Максимович оставляет трибуну под новый порыв бурных аплодисментов и приветственных возгласов»; «Съезд снова встает, как один человек, приветствуя великого писателя Страны советов Алексея Максимовича Горького. И снова встает, аплодируя, весь съезд, когда Алексей Максимович избирается председателем Первого всесоюзного съезда писателей Советского Союза»; «Тов. Жданов передает <...> пламенный большевистский привет первому съезду советских писателей <...> во главе с величайшим пролетарским писателем Алексеем Максимовичем Горьким»; «Долго гремят аплодисменты, снова встает весь съезд, тепло провожая Горького долгой овацией, Алексей Максимович садится на место, опять встает, в знак благодарности прикладывая руку к сердцу».

Столь кропотливое описание всех нехитрых действий, совершенных А. М. Горьким, наталкивает на мысль о степени восхищения молодого автора статьи, который наблюдал за кумиром из зала. Подобные репортажи, без сомнения, способствовали созданию культа Горького, однако происходило это, на наш взгляд, без правительственных директив, а в связи с глубоким уважением к писателю.

За время съезда большой популярностью пользовались статьи, в которых рассказывалось о гостях съезда – непрофессиональных авторах, не равнодушных к судьбам литературы. В числе таких материалов репортаж о посещении съезда пионерами – авторами книги «Банда курносых» (Писатель старый и писатели совсем молодые. 1943. 20 авг.), которых расчувствовавшийся Горький пригласил к себе домой «на вкусные конфеты»; небольшое сообщение о прибывших с подарками на съезд делегатах московских заводов (1934. 20 авг.), заметка о Софье Гринчихе (1934. 23 авг.), которой все-таки удалось пообщаться с любимым автором.

Кстати, подарки на съезде не случайное дело, многие делегаты заводов и колхозов приезжали не с пустыми руками: кто-то, как Гринчиха, привозил книги собственного сочинения, кто-то пел Горькому песни (Вчера на съезде. 1934. 23 авг.), а, к примеру, «туляки передали для великого пролетарского писателя – Горького: отличное ружье и знаменитый тульский самовар» (Дневник съезда. 1934. 27 авг.).

Без внимания «Литературной газеты» не остаются и события, произошедшие вне съездовой трибуны. Авторы «ЛГ» публикуют достаточно подробный репортаж о встрече писателей с читателями в парке культуры, выводя, таким образом, съезд из ограниченного пространства зала заседаний в открытое и доказывая, что съезд важен не только тем, кто присутствует на заседаниях,

но и всем окружающим. На улицы Москвы писатели принесли энтузиазм, с которым проходили прения и обсуждения в Колонном зале, в самой же встрече, по мнению редакции, «было много радости, много цветов, много красок. <...> До сих пор писатели шествовали стройными рядами преимущественно в статьях и докладах. Здесь – без всяких фигуральных выражений – они выстроились в ряды и двинулись во главе шествия» (Встреча с читателями. 1934. 26 авг.). Участники съезда радостно приветствовали прохожие: «...писатели прошли как бы по коридору. Стены этого коридора состояли из людей, восторженно приветствовавших шествие, узнававших лица, знакомые по портретам, называвших книги, чьи создатели проходили здесь». Закончилось это шествие выступлениями писателей в Зеленом театре, в которых они «заверили десятки тысяч ударников социалистической страны в своей готовности выполнить предъявленные обязательства» (В зеленом театре. 1934. 26 авг.).

Внимание к съезду со стороны школьников отразилось в небольшой заметке К. Чуковского «Прежние съезды писателей». В ней писатель рассказал о пионере, который спросил его: «...были ли прежде, в царское время, какие-нибудь съезды писателей?». В ответ Чуковский привел примеры кабаков, в которых дореволюционные писатели «пили водку... очень много водки... Хвастались своими гонорами... Рассказывали анекдоты про женщин, играли на бильярде и пили опять. <...> А потом, пьяные, ехали всей оравой в какое-то уединенное место <...> там раздевались догола, брали кошку и с визгом и с танцами вешали ее за шею на особо устроенной виселице так, чтобы она подольше мучилась. <...> И называли себя кошкодавами» (Прежние съезды писателей. 1934. 23 авг.).

Чуковский упомянул и другие «съезды» – кафе «Бродячая собака», в числе посетителей которого были поэты и прозаики разных литературных направлений начала XX в.: А. Ахматова, О. Мандельштам, А. Блок, А. Белый, В. Маяковский, В. Хлебников и др. Чуковский писал, что туда «съезжались не только писатели, но художники, музыканты, актеры. <...> На эстраде танцевали, играли, читали стихи, а в тесных подвальных залах сидели за столиками сплошь знаменитые люди и, конечно, пили водку... вино... и смертельно скучали. <...> Один замечательный поэт того времени так и написал о “Бродячей собаке”»: Все мы бражники здесь и блудницы» (Прежние съезды писателей. 1934. 23 авг.).

Такое странное, не лишнее иронии («Это была вроде как бы секта, или, скажем, партия») представление Чуковским дореволюционных встреч с выгодной стороны раскрывает советский, «горьковский» съезд и для обывателя 1930-х превращает литературную жизнь начала XX в. в нечто фантастическое и очень далекое от реальности. Это подтверждает пионер, который

после такого рассказа «задумался, засмеялся, махнул рукой, убежал».

Помимо нелюбимого изображения писательской общественности, которое создает контраст советскому съезду, важным в данной заметке, на наш взгляд, является интерес мальчика не только к самому съезду, но и к истории писательских сообществ. Это подчеркивает неподдельное внимание к писательской жизни и желание стать ближе к литературному сообществу, что также используется редакцией газеты для придания съезду особенной важности.

Энергия и воодушевление участников съезда подчеркивались ритмом, в котором они публиковали свои заметки в газете. Очевидно, что тексты, попадающие в рубрики «Трибуна съезда», «Трибуна съездовской дискуссии», были написаны участниками незадолго до выхода газеты в свет, поскольку их темой часто становились проблемы, озвученные делегатами с трибуны накануне.

О скорости написания статей говорит и К. Чуковский, который в номере от 16 сентября возвращается к своему рассказу о прежних съездах в статье «Дополнение к беседе»: «В Колонном зале, впопыхах, в тревожной и волнующей обстановке съезда я передал мою речь очень невнятно, <...> на бегу» (здесь и далее: Дополнение к беседе. 1934. 16 сент.). Возвращаясь к вышесказанному, в этой статье Чуковский более обстоятельно подошел к рассказу о жизни дореволюционных писателей, говорил о том, что в «дореволюционное время писатель был лишен общения с читателем», и о «чувстве сиротства и заброшенности, которое испытывал тогдашний писатель». Друг с другом писатели могли встретиться очень редко, разве что «в редакции журнала, в салоне, в ресторане».

Быстро реагируют на события съезда в рабочей среде: еще до окончания его многие трудовые коллективы спешили выразить свою благодарность писателям, и в особенности А. М. Горькому, чья «речь произвела огромное впечатление на литкружковцев, рабочих авторов и писателей» (Что нам дал доклад А. М. Горького. 1934. 21 авг.).

Мнения делегатов были представлены в рубриках «Говорят гости и делегаты», «Говорят делегаты первого всесоюзного съезда». Здесь публиковались пожелания присутствующих гостей к организации съезда. В эту рубрику писали о детской литературе (Вопросы о детской литературе не поставлены. 1934. 21 авг.), об особенностях армянской литературы (Ближе в практике социалистического строительства. 21 авг.), о поэзии социалистического реализма (Об основном жанре поэзии. 21 авг.), о связи советских писателей с литературой Дальнего Востока (Китаец Эмми Сяо-Лин-Хуа и дом союзов. 1934. 18 авг.), об «организации связи советской литературы с миллионной читательской массой» (Центральная фигура. 1934. 23 авг.).

Свои коррективы в работу съезда вносила и редакция газеты. Так, в передовой колонке от

23 августа она пишет: «Следует <...> отметить некоторую пассивность критики на съезде, мы это отмечаем для того, чтобы в дальнейшей работе съезда критики стали более активными участниками, используя для этого также страницы «Литературной газеты»».

Таким образом, мы видим, что во время съезда на страницах газеты полным ходом шло обсуждение его организации: выявлялись достоинства и недостатки, получали слово те, кто не смог принять участие в прениях по докладам. Участники съезда обсуждали его достоинства и недостатки. Одним словом, «ЛГ» в дни съезда стала не только его хроникером, но и аналитиком, и печатной трибуной, в которой особое место отводилось материалам, затрагивающим вопросы организации съезда, обсуждающим выступления докладчиков, вносящим предложения и выявляющим недостатки.

Через материалы о съезде завершается публикацией в номере от 1 сентября Устава союза советских писателей.

Но и после съезда редакция не прекратила подогревать атмосферу вокруг единения писательского и рабочего сообществ. На следующий день после окончания съезда в «ЛГ» было опубликовано постановление Пленума правления Союза советских писателей СССР «О необходимости проводить на рабочих и колхозных собраниях выступления делегатов первого всесоюзного съезда писателей с отчетами о работе съезда» (Постановление пленума правления Союза советских писателей СССР. 1934. 3 сент.), ставившее главной целью донести решения съезда до масс, обозначить его значимость для жизни обычного пролетария.

Отчеты о результатах работы, проделанной в рамках постановления, также публиковались в газете. Рабочие, колхозники и школьники со всей России выражали искреннюю благодарность писателям и сообщали им свои предложения по развитию писательско-читательских отношений: чаще всего это касалось создания библиотек при цехах, организации открытых читок произведений, литкружков, встреч с писателями (В школах, в библиотеках, на заводах. 1934. 6 сент.; Бумажники отвечают писателям; Дни, родившие тысячи читателей. 1934. 16 сент. и др.)

Сами писатели тоже делились своими мнениями о прошедшем событии. В номере от 3 сентября печатается «литературная фантазия» «Ночь в колонном зале» – небольшое стихотворное произведение, написанное неизвестным автором под впечатлением от съезда. Он писал о том, что «Съезд кончился, / Отгрохотали речи, / Зачитан ряд последних телеграмм, / Расходится писательское вече / Кто по домам, кто по номерам» (здесь и далее: Ночь в колонном зале. 1934. 3 сент.). Между тем сам автор стихотворения, взглянув на портреты писателей, украсивших Колонный зал, подумал: «Дают ли классики свои оценки / Тому,

что им увидеть довелось?». Затем «портреты ожили» и началась беседа, в которой Гейне, Пушкин, Гете и Бальзак делились друг с другом своими размышлениями о съезде. В слова героев-классиков автор, очевидно, решил вложить наиболее популярные мнения о прошедших заседаниях и попытался представить как можно более объективную картину. Так, Гейне в стихотворении говорит о том, что среди советских писателей он «чувствует себя как дома»; Пушкин жалуется на то, что приходится «торчать на мраморной стене и слушать прения, / По мне уж лучше тысяча ударов, чем тысяча ответных слов»; Гете восклицает: «Искусство ваше зреет», а Бальзак «торжествует», «радуется», «ликует» и «переживает в СССР вторую молодость».

Еще одно впечатление от съезда в стихотворной форме выразила китайская поэтесса Ху Лан-Чи. Она обращается со словами восхищения и благодарности лично к Горькому: «Горький! Сегодня я увидела тебя! <...> Я плачу, я плачу у тебя на руках, будто встретила мать, вернувшись домой» (Горькому. 1934. 3 сент.).

Благодарности писателю органично продолжают череду материалов, мифологизирующих образ Горького во время съезда. Так, «начинающие авторы» «кабинета рабочего автора» Профиздата «выражают глубокую благодарность за то, что Вы (Горький. – М. С.) настойчиво потребовали от писателей оказания нам систематической помощи», а в конце статьи еще раз благодарят Горького и обещают учиться на его «гениальных произведениях», чтобы «создавать литературу на пользу отечества трудящихся всего мира» (Мы ждем повседневной помощи. 1934. 3 сент.).

В большом количестве появлялись сообщения от рабочих колхозов, цехов и мастерских. В редакцию пришли, в частности, письма от рабочих завода «Динамо»: «Больше хороших книг», «У каждого свой любимый писатель», «Мы ждем ярких типов», «Нас интересует все» (Письма с завода «Динамо». 1934. 4 сент.), в которых те призывали писателей быть ближе к производству и создавать интересную литературу, чтобы читатели получили то, что «они так давно ждут». Возможность высказаться получили и работники искусств (Слово работников искусств. 1934. 6 сент.), которые просят писателей поделиться опытом проведения съезда и помочь художникам в организации предстоящего съезда художников.

Редакция «Литературной газеты» с упорством публикует заметки из колхозов, создавая, тем самым, впечатление, что каждый советский гражданин, независимо от того, чем он занимается, хотел отблагодарить писателей за их выступления на съезде. К примеру, работники колхоза «Коммунист» Котельничского района «дали слово сдать к 23 августа хлебналог полностью и предложили организовать районный красный обоз им. Съезда писателей» (Колхоз имени съезда писателей. 1934. 3 сент.). В этой же заметке говорится о других

колхозах, которые «по-деловому откликнулись на вызов колхоза “Коммунист” и полностью рассчитались по зернопоставкам с государством», а «единоличники деревни Никишичи, выполнив хлебналог, организовали колхоз им. I Всесоюзного съезда».

В послесъездовских материалах к восторженности добавляется экзальтация, истерия, и все это вместе взятое гротескует реальность и одновременно травестирует ее.

Успешная деятельность и популярность «Литературной газеты» среди писателей, рабочих, пионеров и колхозников явились своего рода мотиватором для создания других литературных газет в неписательской среде. Так, 12 сентября появляется сообщение о выходе в свет первого номера литературной газеты «Метро» (1934. 12 сент.), которая будет выходить в свет два раза в месяц, а первый номер «посвящен съезду писателей».

Увеличение заметок о повышенном внимании к литературе среди обычных рабочих и колхозников говорит о том, что «Литературная газета» с лихвой выполнила свои намерения сделать чтение книг и газет частью повседневной жизни каждого человека.

Что касается непосредственно вопросов развития советской литературы, то нельзя не отметить, что в критических и литературоведческих материалах «ЛГ» после съезда чаще всего говорилось о тех же проблемах и тех же недостатках литературы, которые был призван решить съезд. И несмотря на то, что редакция газеты в передовых колонках воодушевленно призывает писателей немедленно приступить к работе и совершить «звездный разбег: к рукописям, к работе» (1934. 8 сент.), авторы один за другим вновь обсуждают важность общения с читателем, необходимость конструктивной критики и способы создания качественной литературы (Чего ждет писатель от критики. 1935. 5 марта и др.).

О том, что съезд не решил всех проблем, а лишь обозначил пути развития литературы, редакция газеты говорит в передовой колонке через год после съезда. Авторы пишут: «Год после съезда для создания великих художественных творений человеческого гения – небольшой срок». «ЛГ» признает, что «истекший после съезда год не был годом исключительного литературного расцвета, наоборот, после съезда пока что появилось далеко не достаточное количество новых художественных произведений». Однако тот факт, что литераторы пока еще не могут создать книгу, которой будут гордиться граждане всей страны,

в «ЛГ» оправдывают тем, что прошедший «год явился годом внутренней перестройки художника, годом собирания и накопления художественных сил» (К вершинам социалистической литературы. 1935. 15 авг.).

Исходя из материалов «Литературной газеты», мы можем сделать вывод, о намеренном акцентировании внимания редакции к Первому съезду писателей как событию не только литературной, но и общественной значимости.

Анализ материалов газеты позволяет сделать вывод об устойчивой тенденции к сложению неоспоримого мифа о единении профессиональных писателей и простых рабочих, крестьян – потенциальных героев и героинь литературных произведений. Это делалось с помощью заголовков, лозунгов («Всесоюзный съезд – показатель огромного роста новой социалистической культуры страны советов» (1934. 2 авг.), «Создадим великую литературу социализма»; «Под флагом советов, под флагом социализма» (1934. 18 авг.)), приподнятого стиля изложения («Температура съезда с каждым днем повышается. <...> Все ярче оттеняется та кровная связь, которая существует между советским писателем и широкими массами рабочих и колхозных читателей» (Вчера на съезде. 1934. 23 авг.)), свидетельств восторженных очевидцев (Незабываемые впечатления. Иностранцы писатели об открытии съезда. 1934. 18 авг.). Это единение должно было быть продемонстрировано именно на Первом съезде писателей. Судя по участвовавшему количеству заметок об организации литкружков, о чтении книг ударникам и передовикам, мы можем сделать вывод, что «Литературной газете» удалось задуманное.

«Первый съезд» стал для «ЛГ» главным проектом, продемонстрировавшим убедительность сложившего мифа о единстве литературы и народа. Сама же газета в период съезда стала его главным идеологом, хроникером и аналитиком и тем самым укрепила свои позиции среди печатных изданий 1930-х гг.

Примечания

- 1 Голубков М. Русская литература XX века (после раскола). М., 2002. С. 130.
- 2 История русской литературной критики : учебник / под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С. 287.
- 3 Накануне съезда // Лит. газ. 1934. 3 июля. Далее ссылки на «Литературную газету» даются в тексте с указанием в скобках названия материала и даты выхода.
- 4 История русской литературной критики. С. 298.